

ЗВЕНЯЩАЯ СТРУНА: ДУША УЧЁНОГО

A RINGING STRING: THE SOUL OF A SCIENTIST

(поэтическая рубрика памяти выпускающего редактора
Галии Дуфаровны Ахметовой – Нины Ганьшиной)

ТЕМА НОМЕРА:

«Рифмы создаю не по указке,
Просто так пишу – по сердца зову...»

Д. Л. Стровский

Галия Дуфаровна АХМЕТОВА

доктор филологических наук,
профессор

* * *

Мне кажется, я всё ещё в пути.
Ах, чей там голос слышится вдогонку?
Не оглянусь. Ведь я должна дойти
Туда, где колокол сияет звонко.

Уйдите прочь, несмотренные сны.
Швырну в огонь написанные строки.
Ах, колокол в сиянии Луны!
Такой же гордый. Так же одинокий.

Но что за ним? Бессмертие Души?
Сияние невиданного мира?
...Заплачу я, когда поёт в тиши,
Как Божий дар, невидимая лира.

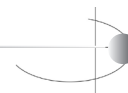
Е. Л.

Ах, услышав мои стихи,
Вы скажете, смеясь глазами:
«Я не читал таких плохих,
Пока не повстречался с Вами».

И я, отчаянно грустна,
Слезами вымочу страницы
И напишу: «Взошла Луна.
Заснули радостные птицы».

Снежинок ясные глаза.
Семь звёзд Медведицы усталой.
Сияет тихая слеза
На лице старого квартала.

И, перепутав все следы,
Рыдали старые паяцы,
В лучах сиреневой звезды
Забыв над миром посмеяться.

Дмитрий Леонидович СТРОВСКИЙ

*доктор политических наук, профессор,
Ариэльский университет
(Израиль, г. Ариэль),
e-mail: strovsky@mail.ru*

* * *

Рифмы создаю не по указке,
Просто так пишу – по сердца зову...
Кажется мне, будто на салазках
Скатываюсь в детстве с горки снова.

Хорошо! И хочется мне очень,
чтобы мир наш сделался добрее.
И несусь я к детству, что есть мочи.
Все несусь. А хочется быстрее.

К маме с папой, к бабушке Матильде –
к стержню, что лежит в моей основе.
Пусть я взрослый, стал за годы сильным,
Но хочу вернуться в детство снова.

Я пишу стихи не по указке...
В них себя оцениваю будто,
Вспоминая детские салазки,
что катились с горки очень круто.

Мелкий дождик за окном,
Всё идёт не прекращаясь.
Колесо судьбы вращая
По спирали. День за днём.

Мелкий дождик есть везде,
Но в Израиле – особый.
Каждый день здесь – это новый
Мир познания в себе.

Открываю этот мир,
Как неопытный мальчишка.
И бесчисленные шишки,
Как лечебный эликсир.

Отступаюсь и встаю.
И опять иду по кругу,
По израильской округе –
той, которую люблю.

Уставать нельзя пока.
А на утренние лужи
Дождик листья мерно кружит.
Подгоняя их слегка.

Он идёт, неспешно так,
Проливая капли эти
По израильскому свету
И с молитвой на устах.

Уходят близкие, уходят дальние,
И никого потом не остаётся...
А на перроне ждут вагоны спальные,
Состав по рельсам вскоре понесётся.
И нам всё кажется: вагончик тронется,
И мы поедem в нём навстречу к лучшему...
Под стук колёс – по-прежнему бессонница,
И где-то в прошлом медвежонок плюшевый.
И время скорое, и поезд в скорости.
Так хочется нажать на ручку тормоза!
Совсем без умысла, без всякой кОрысти,
Чтоб оживить родные сердцу образы...

* * *

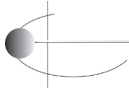
Я скучаю по душевным людям,
что мне очень дороги давно.
Говорю себе, что встречи будут,
что я жив и не залёг на дно.

Я несусь в себе воспоминанья –
это не иссякнет у меня.
Тихо, без наветов и стений,
без снобизма, бури и огня.

Потому что если что-то помнишь –
то совсем не нужно много слов,
Я не знаю, пешим или конным,
но приду к вам я без громких слов.

Всё в душе живёт и тихо дышит.
Всё в себе несусь в иной стране.
Человек случайный не услышит,
что осталось глубоко во мне.

Это что-то ёмкое, большое,
что уйдёт со мной в незримый век...
Может, и писать о том не стоит,
Но и я тогда не человек.

Александр Борисович ВИНОКУР

кандидат физико-математических наук
(Израиль, г. Тель-Авив),
e-mail: alex.vinokur@gmail.com

Страдать и мучиться словами,
Искать вопрос, а не ответ.
Найти. Украсить кружевами,
И осчастливить белый свет.

И стать в сторонке, словно лишней, –
Инстинкт, скорее, чем расчёт.
И, избегая встречи личной,
Мечтать, что кто-нибудь прочтёт...

Мир на угольях. Небо красно.
Осанна медному грошу.
А ты – о вечном, о прекрасном.
Не страшно? – Страшно. Но пишу.

И снова Бунина открою,
Найду зачитанный рассказ,
В котором грешные герои
Тайком сбегают на Кавказ.

Они всё там же, тот же вечер.
И я взволнован вслед за ним
Почти срывающейся встречей
И притяженьем неземным.

Нет никого, есть только люди.
Но вот сквозь страх и пустоту
Идёт она. И будь, что будет,
Пока Всевышний на посту.

Свисток последний, но не поздний,
Нет сил забытья и обнять.
Сто лет уходит этот поезд
И возвращается опять.

Недоскажи чуть-чуть. Оставь возможность
Быть понятым не так, как ты хотел.
Пусть говорят, что это слишком сложно,
Что выразить себя ты не сумел.

Что стих, как жизнь,
нельзя слагать не целясь...
Но ты ведь знаешь: дело просто в том,
Что истина рождается как ересь,
А истиной становится потом.

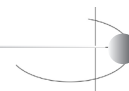
Ну, что тебе сказать про интроверта?
Письмо в нераспечатанном конверте,
Которое ни вскрыть, ни прочитать.
Не сострадай. Он всё берёт от жизни,
Предпочитая вечный опыт книжный.
С самим собой ему не одичать.

Конечно, есть соблазны и снаружи,
В соседнем мире можно жить не хуже,
И люди вызывают интерес.
Но не надолго – до того похожи,
И каждый раз одно, одно и то же,
Вовек. И не предвидится чудес.

В зазеркалье залива
Небо ярче огня.
Это слишком красиво,
Не для каждого дня.

Нам бы счастье попроще,
Мы немного ждём.
Вечер. Гулкая площадь
С морозящим дождём.

И мечтать терпеливо,
Никого не вина, –
Зазеркалье залива,
Небо ярче огня.

Василий Васильевич ИВАНОВ
(литературный псевдоним **Иванов-Том**)

*доктор филологических наук,
писатель, литературовед
(Россия, г. Петрозаводск),
e-mail: geolea@bk.ru*

Прабабушка Марья

Памяти Галии Ахметовой

Сто пять было Марье,
Старейшина рода,
В округе вождём
Почиталась народа.

Собрав своих ближних,
На праздник весёлый
Велела готовить
Деревни и сёла.

Ни в книге народа,
Ни в книге церквей
Не значился праздник,
Но верили ей.

Кто брагу варил,
Кто избу убирал,
И вот этот праздник,
День третий, настал.

Весь дом двухэтажный,
Семь комнат жилых,
Сама мыла Марья,
Родню отстранив.

На Севере Русском,
С поры ледовитой,
С ведийской эпохи
Тот дом знаменитый –

И люди, и скот, –
Все под крышей одной,
Зима там долга,
Да и холод большой.

В том доме в аршин
Ширина половицы,
И вымыть тот пол –
Это надо трудиться.

Вода и песок –
Из реки Таржеполки,
Голик для мытья
Подарили ей волки.

Ведь Марья дружила
С народом волков,
И каждый из них
Помогать ей готов.

Вот верхний этаж
Засиял желтизной,
Запахло по комнатам
Свежей сосной.

А Марья запела,
Как пела когда-то,
Как парня её
Забривали в солдаты.

Потом завела она
Вдруг плясовую,
И снова голик
Замелькал вкруговую.

Работа внаклонку,
Но первый этаж
Сияет теперь,
Словно солнечный пляж.

И Марьюшка вышла
Босой на крыльцо,
И певное солнцу
Сказала словцо.

Был тонкий ледок
На весеннем крыльце,
И, падая, Марья
Смеялась в конце.

– Не плачьте, – сказала
Рodne и соседям, –
Сегодня уедем,
А завтра приедем.

Гуляйте и пойте –
По нраву веселье
Тому, кто справляет
Своё новоселье...

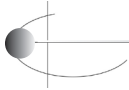
И надо же, тёплый,
Бушующий ливень
Из тучи сверкнул,
Словно мамонта бивень.

Тот день после смерти
Могучей старухи
Сто лет уже с лишком
Запомнили слухи.

Тот год, а за ним
Ещё несколько кряду
Земля урожаем
Давала награду:

«За то нам даётся
Небесная сила,
Что Марья на Небе
За нас попросила».

23.01.2016

Елена Ивановна ЗЕЙФЕРТ

*доктор филологических наук, профессор
Российский государственный гуманитарный университет
(Россия, г. Москва),
e-mail: elena_seifert@list.ru*

На кончике языка

ощущая в себе новорождённое чувство
бесконечно долго
нащупывал края
той доли секунды
когда родившая самка
начинает
вылизывать или поедать
своего детёныша

* * *

хочу улететь одна
но при входе в аэропорт
звенят
крышки
канализационных люков
города
поселившегося
в лёгкой складочке
в уголочке
моего рта

* * *

мы разные

ты часовая стрелка
я минутная

но каждому из нас достаётся бокал вина
которым нас обносит суетливая
секундная стрелка

* * *

у всех дочкиных кукол вырваны ресницы
но зеркальце предательски молчит

* * *

и не нужно было этой встречи

ты закуливаешь подпаливая ресницы
я пью через соломинку жидкое мыло

* * *

что мы с тобой только ни делали
писали гвоздями и молотком слово angeln
на языке брайля
раскрашивали ночной ветер
ходили по заросшему грибком килю
движущегося корабля
но так и не додумались обнять друг друга

* * *

ты перестал улыбаться
словно боишься разбудить
младенцев
моих чувств
спящих
в твоих мимических морщинках

* * *

на меня
одетую в каплю духов
оглушительно падают
густые звёзды
из созвездия
твоей
трёхдневной небритости

* * *

прикасаюсь пальцами к твоей руке
и родинка у прожилки на твоём запястье
оказывается
крохотной живой офелией
с рассыпавшимися по плечам
ещё влажными волосами

* * *

дочка быстро бежит ко мне сквозь снегопад
оставляя за собой тысячи
воздушных человечков в нелепых позах
которых сразу убивает снег

Вячеслав Исаевич Теркулов

*доктор филологических наук, профессор,
Донецкий национальный университет
(Украина, г. Донецк),
e-mail: terkulov@rambler.ru*

Мария

Мария красива, потому что она Мария,
Потому что она существует
в написанных кем-то полотнах.
Она королева эфира, вырывающегося
из диглоссии
несказанных слов, мелодий свинга,
души бесплотной.

Мария ходит в красивых одеждах,
а иногда без оных,
И это важно – она гармонична
в обнажённости времени,
И утром её согреет кофе, озвученный
в телефоне
Вчерашнего дня, прожитого келейно.

В разговорах с подругой, в заботах
о хлебе насущном,
в прикосновеньях дождя
и бездушных прохожих...
Мария, завтрашний день будет
намного лучше:
Он будет пульсировать в венах
под тонкой кожей.

И ступа ступеней отзовется гулко
в этом пульсе,
и пятен не будет на солнце, но будут на небе,
Которое исполнено
по всем законам искусства.
И как тут поверить в то, что ты не Небыль?

Привычка

Я становился привычен, как утренний кофе,
Как гулкое уханье лифта, везущего на работу,
Как врач, для которого и витамины, и морфий –
Всего лишь лекарства. Я вышел
на автопилоте
Из дома, увидев своё отражение в витрине
напротив
Подъезда и гору, похожую чем-то
неназванным на Голгофу.
Я шёл повторяемой фразой навязчивой
песни,
в которой другие слова почему-то забыты.
Автобусный призрак катился со мной
бестелесным,

Мечтая приехать хотя бы к рассвету
на Крытый.
Я ехал, привычный, по улицам, светом
залитым,
В автобусе зимнем, обыденном,
неинтересном.
Я ехал, придуманный кем-то
в молчанье квартирном,
В стихах, сочиняемых ночью,
как перед расстрелом,
И люди напротив сидели в протёртых
мундирах.
В кармане звенела вчерашнего вечера
мелочь,
А я становился обыденных вин виноделом
В твоём
незашторенном
мире.

Призрак

Здесь холодно, здесь отблеск фар в окне
И звук шагов, застывший в анфиладах,
Здесь призрак мой не помнит обо мне,
Не ищет встреч и не сулит награды.
Здесь всё осталось в возрасте Христа,
В ночных кошмарах, в выпитом портвейне.
В осколках разведённого моста,
В несказанных словах прямолинейных.
Здесь не забыть распахнутую дверь,
Не рассказать о страсти бестелесной,
Здесь призрак мой колышет колыбель
Пустую и бубнит чужую песню.
Здесь часики на маленькой руке
Стучат-стучат, мучительно дотошны.
Здесь за окном – мальчишки на катке,
А перед ним – мой призрак еженощный.